

А.А. Котляревский

**О погребальных обычаях
языческих славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Котляревский**
О погребальных обычаях языческих славян / А.А. Котляревский – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 308 с.

ISBN 978-5-518-10058-9

ISBN 978-5-518-10058-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Графу Александру Сергеевичу

Уварову,

Г. Председателю Московскаго Археологическаго Общества.

Высокоуважаемый Графъ!

Посвящая Вамъ небольшой трудъ свой по науцѣ славянской древности, я позволю себѣ и предварительное объясненіе съ отвлеченнымъ образомъ читателя замѣнить живою бесѣдою съ Вами. Пріймите ее за Ответъ Т. Предсѣдателю Общества о занятіи одного изъ Членовъ!

Изслѣдованіе мое не имѣетъ притязанія ни на особую новизну выводовъ, ни на истерпывающую полноту фактовъ: оно — не болѣе, какъ корректурные листы одной главы изъ науки славянской бытовой древности. Область эта еще такъ не полно изслѣдована въ отношеніи матерьяла, такъ мало обработана въ ученомъ смыслѣ, что думать о новыхъ рѣшительныхъ заключеніяхъ, о полнотѣ содержанія, — будетъ легкою неопытностію. Наука, какъ и

жизнь, идетъ постепеннымъ ростомъ: она слагается
выковою работою многихъ поколѣній—и только само-
обольщеніе юности можетъ увлечься мечтой непосиль-
наго труда и желать преждевременно пожать плоды
далекаго будущаго. Всему свое время. Для науки
славянскаго древности не наступило время совершен-
ности, когда она могла бы явиться, какъ живой
и вѣрный образъ прошедшаго, какъ знаніе, полное
убѣждающей, поучительной силы: она находится
еще на степени собиранія и критическаго обра-
ботки матерьяла. Потенныя, достойныя общей
признательности, труды совершены въ этой обла-
сти, но они лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ
случаяхъ возвышаются надъ знаніемъ матерьяла
нуждающагося въ критическаго повѣрки: они отвѣ-
тали требованіямъ менѣе строгимъ, имѣли требованія
историко-антикварной науки нашего времени: это
такъ легко и свободно разрешалось, или, то снова
теперь затягивается въ гордиевъ узелъ и требуетъ
иныхъ отвѣтовъ и рѣшеній, это прежде не трево-
жило никого доверья, то теперь отвергается или
возбуждаетъ недоразумѣнія—и наоборотъ....

Такое состояніе науки, указывая, что она
находится въ критическомъ возрастѣ, прямо опре-
дѣляетъ мою задачу. Свести въ одно цѣлое раз-
рознесенныя и досель разбросанныя факты погребальной

старинныя языческія Славяны, критически осмотрѣть, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія, наконецъ—собрать ихъ, по возможности, въ стройный порядокъ систематическаго изложенія— вотъ это я имѣлъ въ виду исполнить. Если при такой критической переборкѣ уже известнаго, въ концѣ концовъ, и не оказалось бы особенно новаго и блестящихъ результатовъ, то все же такая работа казалась мнѣ необходимою, чтобы удалиться отъ призраковъ, создаваемыхъ торопливостію толкованія и столь еще обыкновенныхъ въ наукѣ бытовой славянской древности. Вы найдете, что и мое изслѣдованіе заключаетъ не одни голые факты, это и оно не свободно отъ предположеній и домысловъ; какая же изъ историческихъ наукъ можетъ обойтись безъ нихъ? Но догадки—не помѣха наукѣ, если онѣ осмотрительны, если существуютъ достаточныя для нихъ основанія. Стараюсь, по возможности, отдѣлять достовѣрные историческіе факты и прямыя, необходимыя выводы изъ нихъ отъ мнѣныхъ, подлежащихъ спору, объясненій, я имѣлъ въ виду доставить читателю все средства къ убѣжденію, хотя бы оно и не согласовалось съ моимъ и было вѣрнѣе его; ибо кто, наученный опытомъ и уроками прошедшаго, кто можетъ сказать, что его догадки всегда и вездѣ—вѣрны и неотровержимы...

Разумается, что къ цѣли такой могло вести только осмотрительное изслѣдованіе: мнѣ казалось, что лучше до поры времени оставить темное темнымъ или предположительно объяснять его, стѣть предлагать рѣшенія смѣлымъ, но непрогнныя. Выиграло ли чрезъ это самое дѣло—приглашаю посудить Вася и другихъ знатоковъ и любителей родной старины.

Не входя здѣсь въ подробности касательно самаго предмета, подробности, которыя Вы встрѣтите въ своемъ мѣстѣ, позволю себѣ лишь нѣсколько словъ объ объемѣ и формальной постройкѣ моего труда.

Область погребальной старины не имѣетъ той самостоятельной, особой бытовой цѣлости, при которой было бы возможно отдѣльное ея изслѣдованіе, независимо отъ другихъ житейскихъ явленій и понятій: она составляетъ одну, и притомъ—выпуклую, часть общаго круга понятій и представленій о концѣ человѣческой жизни и посмертномъ существованіи: она должна быть разсматриваема не только въ тѣсной съ ними связи, но и какъ нераздѣлимое съ ними цѣлое: право на вниманіе изслѣдователя имѣетъ здѣсь и обычай, и вѣрованіе, и простое понятіе или представленіе: вѣрованіе и понятіе объясняютъ обычай, обычай позволяетъ заключать о вѣрованіи и понятіяхъ и даже

объ условіяхъ и порядкахъ дѣйствительной жизни. Вотъ причина, почему, преслѣдуя частную задачу, я не могъ удержаться въ ея тѣсныхъ предѣлахъ и иногда входилъ въ предварительныя поясненія уже извѣстныхъ и обсмѣлованныхъ предметовъ. Недостатки покажутся Вамъ эти побогныя части моего изсмѣлованія, если Вы потребуете отъ нихъ самостоятельной полноты содержанія, но самое назначеніе ихъ обязывало меня къ краткости и сжатости изложенія; онѣ служатъ лишь для поясненія главнаго предмета, имѣютъ зависящую, не самостоятельную цѣну. Изсмѣдуя погребальныя обычаи, я не вдаюсь въ пространныя сравнительныя сближенія представленій, хотя и родственныя, но въ сущности далекихъ отъ главнаго предмета, для меня важны только тѣ представленія, понятія и вѣрованія, которыя прямо относятся къ концу челоуѣческой жизни, соприкасаются съ погребальнымъ обиходомъ и опредѣляютъ его порядки: представленіе, неокрѣпшее въ религіозное вѣрованіе и неоставившее слѣда въ дѣйствительной жизни, иногда вовсе не отмѣнено мною; однимъ словомъ—меня занимаетъ прежде всего жизнь дѣйствительная, а потомъ уже поэзія, какъ необходимый элементъ жизни, отъ котораго идутъ многіе побѣги ея и который обвѣщаетъ многія ея стороны.

Позволю себѣ указать на это во отстраненіе недоумѣнія, когда въ мрель изслѣдованіи Вы не встрѣтите многого, что имѣетъ связь съ понятіями о загробной жизни и о многомъ, сюда относящемся, найдете лишь краткія упоминанія; всему этому—приличное мѣсто не въ изслѣдованіи „о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, а въ будущей „Славянской Мифологіи“.

Понятія о загробной жизни вытекаютъ изъ дѣйствительнаго человѣческаго желанія жизни, изъ чувства цѣны ея, погребальные обычаи и обряды—суть олицетворенное, переведенное въ житнейскую практику, желаніе продолжать эту жизнь. Исходя—такимъ образомъ, изъ дѣйствительнаго чувства, сопровождаясь обычаями, потерянными по большей части изъ окружавшей человѣка дѣйствительности, его погребальная древность должна отразить въ себѣ и понятія дѣйствительныя и жизнь реальную, историческую...; но удалось ли мнѣ вскрыть хотя нѣкоторыя черты этой стороны предмета—судить не могу, по крайней мѣрѣ, понимая цѣну и признавая законность этого требованія, я старался, по возможности, удовлетворить ему.

Изслѣдованіе, сообразно системѣ, распадается на двѣ главныя части: первая посвящена критическому разсмотрѣнію источниковъ: языка, народнаго

быта, извѣстій письменныхъ, могильныхъ памятниковъ, вторая — представляетъ систематическое — и отчасти историческое — обобщеніе понятій языческихъ Славянъ о посмертномъ существованіи и изъ погребальныхъ обычаевъ. Первая часть въ сущности имѣетъ значеніе пояснительной статьи, ей отведено самостоятельное мѣсто для того, чтобы не обременить изложеніе сторонними критическими изслѣдованіями и отступленіями, и чтобы каждый имѣлъ подъ рукою средство повѣрить заключенія и домыслы; существенное отсюда перешло въ главное изложеніе, оттого неизбежно явились многія повторенія одного и того же. Устранить изъ я не сумѣлъ.

Не могъ также избежать я и нѣкоторыхъ изъзодовъ, хотя и важныхъ по содержанию, но неотносящихся непосредственно къ моей задачѣ: одинъ изъ нихъ соединяетъ первую часть изслѣдованія со второй, другой, чтобы не нарушать перерывомъ цѣлости изложенія, отнесенъ въ „Приложеніе“. Мнѣ казались умѣстными и даже необходимыми — эти отступленія: безъ нихъ остались бы не ясны не только частности, но и самыя основанія иныхъ заключеній, которымъ я придаю нѣкоторую цѣну.

Найдете Вы еще, быть можетъ, излишнимъ обиліе библиографическихъ ссылокъ и примѣчаній. Слабость эту я охотно признаю за собою;